

Маск. новости. — 1995. —
12-19 марта. — с. 18.

ПАМЯТЬ

«Не увидит смерти вовек»

Умер Краснопевцев. Два слова, абсолютно несоединимые; их просто немислимо поставить рядом, эти понятия: «смерть» и «Краснопевцев».

В наше время, когда выставки всех направлений полны «сакральным», так сказать, искусством — «иконами», религиозными фантазиями и аллегориями, столь модной в последние годы «мистикой», творчество Дми-

трия Краснопевцева было едва ли не единственным, к которому по праву применим этот эпитет: сакральное.

Это творчество было глубоко духовным; оно все принадлежало и нашему, и какому-то иному миру, иному пространству. Все то, что мы лишь ощущаем, предугадываем, что незримо обволакивает нас, словно тонкая эфирная оболочка, Краснопевцеву было открыто, доступно его художественному зрению. Он реально в и д е л этот «иной» мир, неподвластный обычному ходу времени, не укладывающийся в привычные земные измерения.

Вещи его натюрмортов, такие, казалось бы, простые, обычные — раковины и черепки, свитки и тонкие сосуды, кувшины, бутылки, подсвечники, сухие цветы — все они жили по своим законам; словно в сказке или во сне оживали, двигались, собирались в кружок для какой-то таинственной беседы, прятались от нас и выходили к нам на обозрение, притворяясь и впрямь всего лишь «мертвой натурой», просто сосудами, просто сухими головками мака.

Но никого они не могли обмануть своей мнимой простотой. В звучании их сдержанных монохромных тонов, в тонких градациях розового, зеленоватого, лилового виделись отсветы цветовых гармоний, которых нет в нашей земной природе. В их словно бы текучих, вытягивающихся формах ощущалось движение, скрытая жизнь. Они, эти вещи, принадлежали и нам, нынешним, и каким-то другим «нам», может быть, тем подспудным воспоминаниям, что живут в исторической памяти уже не одной личности, но целых народов, незримыми, но живыми нитями связывают сегодняшний день с прошлым. Из каких веков явились в наш XX век эти свитки, эти церковные светильники? Не музейные экспонаты, не мертвые реликвии — нет, реальные вещи, живущие именно сейчас своей наполненной, активной жизнью. Не просохли письма, только что нанесенные невидимыми писцами на эти пергаменты; незримые руки минуту назад зажгли эти свечи. А певучие раковины, кажется, и сейчас еще влажны и пахнут морем, и тени парусов старинных каравелл скользят по их перламутрово-розовым телам.

«Говорящий прообразами говорит тысячу голосов. Он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь. Такова тайна воздействия искусства» — великий психолог Карл-Густав Юнг словно бы видел перед собой работы Краснопевцева.

«Дух животворит; плоть не пользует нимало». Искусство Краснопевцева все было животворено духом. О какой же смерти художника можно говорить? Он просто ушел, приобщился к духовному вечному миру, всегда бывшему ему более близким и своим, нежели грубая и равнодушная «плоть» нашего прагматического и бездуховного века. «Не увидит смерти вовек»...

Мария ЧЕГОДАЕВА